

АРБИТРАЖ

УДК 347.9

О. Ю. Скворцов

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОБЪЕКТИВНАЯ БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ АРБИТРАЖА

Статья продолжает серию очерков автора о теории объективной беспристрастности арбитража. В фокусе анализа находится постановление Конституционного Суда РФ, в котором дана оценка этой теории. В целом автор указывает на односторонность применения этой доктрины государственными судами. В то же время подход, основанный на конституционных принципах, представляется позитивным и перспективным.

Ключевые слова: арбитраж, третейский суд, независимость и беспристрастность третейских судей, теория объективной беспристрастности.

O. Yu. Skvortsov

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND OBJECTIVE IMPARTIALITY OF ARBITRATION

Article continues a series of essays of the theory of objective impartiality of arbitration. The focus of the analysis is the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, in which the estimation of this theory. In General, the author points to the unilateralism of the doctrine of State courts. At the same time, an approach based on the constitutional principles is a positive and promising.

Keywords: Arbitration, The independence and impartiality of arbitrators, The theory of objective impartiality

На протяжении нескольких последних лет в теории арбитража и в практике применения законодательства о третейских судах идут дискуссии о так называемой доктрине объективной беспристрастности. Эта теория была порождена не в рамках академических дискуссий, а в судебных актах по конкретным делам, рассмотренным Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ), который, как нам представляется, некорректно заимствовал основные идеи доктрины из практики Европейского Суда по правам человека.

Апофеозом дискуссии стало обращение в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) участником одного из дел, рассмотренных ВАС РФ.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18

Скворцов Олег Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; oleg.skvortsov@mail.ru

Skvortsov Oleg Yurievich — doctor of legal sciences, professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; oleg.skvortsov@mail.ru

Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России»¹ стало подведением итогов очередного этапа острой дискуссии вокруг места и роли третейских судов в российской юрисдикционной системе.

С точки зрения тех идей, которые сформулированы в указанном Постановлении, этот акт находится в одном ряду с другим Постановлением КС РФ — от 26 мая 2011 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.² Оба этих судебных акта основаны на либеральном подходе к оценке правовой природы третейских судов и правовых возможностей участников третейского разбирательства. Вместе с тем КС РФ, основываясь на конституционных принципах, указывает на необходимость ограничения произвольного вмешательства в правоприменительную деятельность третейских судов со стороны государственных судов.

По нашему мнению, вопрос об объективной беспристрастности арбитража, рассматривающего переданный на его рассмотрение спор, представляет собой одну из наиболее актуальных и в то же время сложных проблем теории третейского разбирательства. При этом следует уйти от того, чтобы использовать данную доктрину в упрощенном виде, как делал ВАС РФ.³

По этой причине большинство правоведов, специализирующихся в проблемах третейского разбирательства, критически относились к указанной теории как вследствие ее доктринальной непроработанности, так и по причине того, что реализуемая на ее основе судебная практика разрушала с таким трудом укорененную инфраструктуру третейских судов, оказывавших позитивное влияние как на юрисдикционную систему, так и на стабильность гражданского оборота.

Нужно отметить и предельную категоричность, которая была свойственна актам ВАС РФ по вопросам, которые связаны с оценкой независимости третейских судов, создаваемых теми или иными корпорациями и сориентированными на решение споров прежде всего между участниками таких корпоративных групп. При этом сформированная ВАС РФ практика, очевидно, оказала влияние на официальных разработчиков реформы третейского разбирательства, которые попытались сформулировать идею об объективной беспристрастности в качестве законодательного

¹ Российская газета. 2014. 28 ноября.

² Там же. 2011. 8 июня.

³ *Скворцов О. Ю.* 1) Объективная независимость арбитража: в поисках теоретической основы // Третейский суд. 2013. № 2; 2) Доктрина объективной беспристрастности и ее влияние на практику третейского разбирательства // Там же. № 6; 3) Об объективной беспристрастности в контексте теории третейского разбирательства // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 14 «Право». 2014. № 3; 4) Новые тенденции развития судебной доктрины объективной независимости в отношении третейских судов // Третейский суд. 2014. № 5.

принципа.⁴ Все вместе — и судебная практика, и законопроекты, предлагаемые реформаторами из Минюста, — порождали скепсис экспертного сообщества относительно перспектив развития института третейского разбирательства в российской юрисдикционной системе.

Таким образом, обращение КС РФ к вопросу об объективной беспристрастности ожидалось с особым интересом.

Указанное выше Постановление КС РФ от 18 ноября 2014 г. в значительной степени основано на общеправовых принципах, а также на анализе правовой природы института третейского разбирательства.

Так, КС РФ справедливо констатировал, что принцип диспозитивности в третейском разбирательстве имеет более широкое содержание, нежели принцип диспозитивности в гражданском судопроизводстве. Обусловлено это тем обстоятельством, что в основе третейского разбирательства лежит институт третейского соглашения, отражающий волю сторон на свободное избрание способа защиты субъективного гражданского права и правил, по которым должна проходить такая защита. В Постановлении не разворачивается этот тезис, однако за ним стоит целый пласт аргументов, на которых покоится институт третейского разбирательства. И основной лейтмотив этих аргументов в том, что частные субъекты, свободно заявившие свою волю на разрешение спора частным юрисдикционным органом, вправе быть свободными от патернализма со стороны государства в лице государственных судов, включая избрание способа защиты субъективного гражданского права. Но реализация такого права предполагает и ответственность свободного субъекта за однажды принятое решение, согласованное с контрагентом. Такая ответственность исключает возможность злоупотребления своими правами, в том числе и путем одностороннего отказа от третейского соглашения. Конечно, все это возможно при условии, что воля на заключение третейского соглашения была действительно свободной, не было давления со стороны более сильного партнера по гражданскому правоотношению.

Вопрос о третейском соглашении и его свободном заключении участниками правоотношений является ключевым и применительно к вопросу о легитимности состава третейского суда, которому поручается провести третейское разбирательство. В этом смысле доктрина объективной беспристрастности не может доминировать в отношении определения легитимности третейского суда, а принципы указанной доктрины могут выступать лишь поводом для выяснения вопроса о том, беспристрастный ли конкретный третейский судья (третейские судьи) вследствие его связи с учредителями третейского суда. А такая связь, как проявление любого человеческого отношения, будет неизбежной. Следовательно, оценивая независимость и беспристрастность третейского судьи, необходимо оценивать, насколько существующая связь (отношение) позволяет заинтересованному в исходе третейского процесса лицу влиять на принятие третейским судьей решения по переданному на его рассмотрение спору.

Независимость третейского суда обеспечивается рядом правовых инструментов. В связи с этим справедливо обращение КС РФ к соответствующим правовым инструментам. В частности, важнейшими нормами, обеспечивающими соответству-

⁴ См., напр.: *Комплекс мер по развитию третейского судопроизводства в Российской Федерации // Третейский суд. 2014. № 2/3 (92/93). С. 30–33.*

ющие гарантии для независимости третейских судей, являются законодательные положения, запрещающие вмешательство в его деятельность по рассмотрению спора. Очевидно, что эта законодательная гарантия может быть нарушена, но такое нарушение должно предполагать ответственность. К сожалению, действующее в России законодательство не содержит норм о прямой ответственности лиц, вторгающихся в сферу третейского разбирательства и оказывающих влияние на принятие третейскими судьями решений, что отнюдь не означает отсутствие ответственности в широком смысле этого слова как негативных правовых последствий, связанных с соответствующим фактом. В качестве ответственности за воздействие на третейских судей следует считать отмену решения третейского суда (отказ в принудительном исполнении решения третейского суда), если будет установлено, что принятие решения было следствием воздействия на третейский суд со стороны третьих лиц.

Еще одним инструментом, обеспечивающим независимость третейских судей, является порядок, в рамках которого выплачивается гонорар за проведение третейского разбирательства. В основе такого порядка находятся законодательно установленные положения, возлагающие бремя выплаты гонорара на стороны третейского разбирательства. При этом выплата гонорара не зависит от того, в чью пользу принято третейское решение.

Комплексный подход к инструментам, обеспечивающим независимость и беспристрастность третейских судей, позволил Конституционному Суду РФ исключить ту односторонность, которая демонстрировалась Высшим Арбитражным Судом РФ при рассмотрении соответствующей категории дел.

Принятие комментируемого постановления вряд ли завершает дискуссию об объективной беспристрастности (тем более, что постановление КС РФ касается только третейских судов, создаваемых при общественных организациях; своего часа ждут третейские суды, создаваемые при торгово-промышленных палатах, а также коммерческими организациями). Вместе с тем те ориентиры, которые предложены КС РФ представляются позитивными и побуждающими к творческим исканиям в этой области.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2015 г.